ЛМ
В-12
В.Вавилов.
Записки солдата.
М-Л- 1927-

ЗАПИСКИ ОЛДАТА ВАВИЛОВ

АМ
3
312

67549

СРОК ВОЗВРАТА КНИГИ.

ГОСУДАР[illegible] СФСР

ОБЩЕСТВО БЫВШ. РОССИЙСКИХ СОЛДАТ ВО ФРАНЦИИ И НА БАЛКАНАХ

ОКТЯБРЬ ЗА РУБЕЖОМ

СБОРНИК ВОСПОМИНАНИЙ

С ПРЕДИСЛОВИЕМ М. Н. ПОКРОВСКОГО

Содержание: Предисловие М. Н. Покровского. От составителей. И. Алмазов. Французская благодар[illegible] Варварский" больше-визм[illegible] французская дем[illegible] кро-вав[illegible] ин. По[illegible] м" раб[illegible] На[illegible] се[illegible] во[illegible]

П[illegible]

ЛМ
В12
[92(13):355

ЗАПИСКИ СОЛДАТА ВАВИЛОВА

ВАМ! ВАШЕЙ ПАМЯТИ, МЕРТВЕЦЫ МАКЕДОНИИ, ВОГЕЗОВ, ФЛАНДРИИ, КАРПАТ, ВЕРДЕНА, ПЕРЕМЫШЛЯ, МАЗУРСКИХ БОЛОТ, ЭРЗЕРУМА, ЛАГЕРЯ ЛЯКУРТИН. ВАМ, ДЕСЯТЬ МИЛЛИОНОВ ЖЕРТВ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ,—ПОСВЯЩАЕТСЯ ЭТА КНИГА СОЛДАТСКОГО ГОРЯ И ГНЕВА

ОБРАБОТАЛ
БОР. БРОДЯНСКИЙ

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ
Инв. № 6754
67542/8

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1927 — ЛЕНИНГРАД

Государственное издательство
Типография
имени
Н. Бухарина
Ленинград
ул. Моисеенко-10

Гив № 23307/Л.
Ленинградский Гублит № 49036.
4 л. Тираж 7.000.

АКАДЕМИЯ ГНЕВА

(Предварительное замечание)

Родила одного только сына,
Одного только сына вскормила,
Но войны беспощадной машина
И его завела, закрутила.

Алексей Крайский.

Перед вами „человеческий документ", кусок человеческой судьбы, удивительной и неповторимой.

У читателя нет никаких оснований, предполагая литературный умысел (прием), заподозрить реальность фигуры Артура Вавилова.

Артур (Артем) Вавилов, бывший солдат бывшей первой русской бригады французской армии, по сегодняшний день проживает в городе Смоленске, состоя в местной артели инвалидов. Он член ВКП (б).

Миллионы Вавиловых кружила беспощадная машина войны. Немногие тысячи Вавиловых остались в живых. Но оставшиеся в живых

инвалиды Вавиловы совсем не похожи на тех деревенских краснощеких парней, подчас охотно грузивших своим собственным здоровым крестьянским телом, своими костями и мускулами воинские эшелоны.

Уходя на царскую войну, говорили они:

— А я так очень даже охотно пошел. Домашние меня просто слезами исслезили, а я хоть бы что, стою истуканом, да со стыда хмыкаю. А в думке одно, кабы поскорее.

— Я шумное житье люблю, разное. Мне война как раз впору.

Эти слова записаны в изумительной книге сестры милосердия Софьи Федорченко „Народ на войне".

Крестьянские парни очень скоро узнавали, что такое армия „их императорского величества".

— Во пехотном я полку,
Ровно снопик на току.
Коли немец не колотит,
Взводный шкуру мне молотит,
Подо мною ножки гнутся,
Все поджилочки трясутся...

Так пели в окопах.

— Загудело грома страшнее, обвалилась на нас земля... сразу-то ничего не понять, дух пропал... А как пришел разум, смерти тяжче, живой в могиле... Песок во рту, в носу, дышать нечем... Опять обеспамятел... Откопали вот, весь поломан и чуб сивый"...

Вот так писали в солдатских письмах из окопов. („Народ на войне".)

— Никто не согласен дальше воевать, разве что сумасшедший...

— Ты тоска моя, тоска,
Гробовая ты доска,
Куда глазом ни гляну,
Только видно, что войну.

Так стонали в окопах.

Все окопы империалистической войны всегда были отличной школой боли, ненависти и гнева. Настоящей же академией гнева были для владимирских землеробов и смоленских хлебопашцев французские окопы, эти серые крысиные крепости из тугих земляных мешков, в которые швырнула машина войны восемьдесят тысяч русских солдат.

Ход событий, связанных с именем русских полков во Франции, достаточно и заслуженно известен. Напомним его лишь только в самых общих чертах.

Уже в первые недели войны французское командование поняло, что ему потребуется невероятное количество пушечного мяса. Отличным поставщиком кровавого мяса на ряду с экваториальной Африкой, поставлявшей цветные войска, могла быть и Россия.

Генералы По, Кастельно и Саррайль неоднократно ставят перед царским послом Извольским

и военным министром Сухомлиновым вопрос о необходимости послать во Францию русские полки.

Французское командование совершенно недвусмысленно намекало на то, что оно не намерено безвозмездно субсидировать военное министерство России военным снабжением. В предисловии к книге „Октябрь за рубежом“ приводятся слова генерала Янушкевича, бывшего начальника штаба Николая Николаевича. Янушкевич с досадой заявлял, что французы „за одну автомобильную шину требуют батальон людей“.

В апреле 1916 года две дивизии, отборно укомплектованные человеческим составом, высаживаются во Франции. Французское командование, понятно, и не предполагало, что настроение и сознание солдатской массы может круто измениться.

„Когда на смотрах в России, перед отправкой русских солдат, а затем на смотрах во Франции перед „сиятельными“ и „президанами“, русские солдаты маршировали, отбивая ногу и крича „рады стараться“, „ура“ и т. п. заученные и вымуштрованные ответы, каждый истинный русский, истинный француз не допускали даже мысли, что вот этот самый военный автомат через два года откажется не только отбивать ногу, маршируя стройными рядами, но откажется и подчиняться начальству, поставленному самим богом и царем“... (Из воспоминаний П. Алешина.)

Однако, когда вести о революции, вести о грозах на площадях Петербурга и Москвы дошли до русских полков, закинутых в „прекрасную“ Францию, святая скотинка посмела отказаться от „почетной“ и „завидной“ доли, — выстилать траншеи своими костями под градом немецких шрапнелей.

В ответ на этот отказ „прекрасная“ и „демократическая“ Франция беспощадно расправилась с полками русских.

Немногие из солдат русских дивизий вернулись на родину, ставшую страною Советов. Но трупы Македонии, трупы лагеря Ля-Куртин не были жертвами напрасными.

„Русские дивизии во Франции самым фактом своего существования должны были неотразимо свидетельствовать об империалистическом характере войны, которую стремились изобразить обороной отечества. В самом деле, какое отечество обороняли русские в Шампани или под Салониками? Никакие секретные документы не могли бы лучше раскрыть глаза русской народной массе на истинный смысл войны, которую вел (продолжал вести) Керенский, чем рассказы товарищей солдат о том, что они видели и в чем участвовали. Закопать их в гроб живыми за границей было нужно для того, чтобы сохранить великую тайну всемирных эксплуататоров. Вот в чем смысл трагедии и Куртинского лагеря и всех последующих“... (М. Н. Покровский.)

Великая империалистическая война отразила свое перекошенное лицо в страницах многих книг. Нашла свое отражение и трагедия в лагере ля-Куртин (записки Кидяева).

Эта же простая горькая книга претендует только на дополнение общей картины пригоршнею кровавых и вразумительных деталей.

И не больше.

ЗАПИСКИ
СОЛДАТА ВАВИЛОВА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЛИЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОШЛОМ МОЕЙ ЖИЗНИ

С девятилетнего возраста я, Артем, а впоследствии Артур Вавилов, стал работать по найму у крестьян-кулаков, работал и у помещиков. С девятилетнего возраста я уже держал деревянную соху в своих руках. Что никогда я не забуду, так это барских свиней. Я пас летом свиней. Жара, свиньи все время в грязь лезли, и мне их приходилось за хвост вытаскивать...

Когда мне исполнилось 12 лет, хорошо помню такой случай. Приезжает мой отец из местечка Кривой Рог и говорит:

— Будем собираться в Сибирь.

Продали мы все наши строения и поехали в Сибирь. Думали в Сибири устроиться, но не пришлось. Переезжали мы по Сибири с места на место, как цыгане, из села в село. Исколесили всю Сибирь, а из Сибири поехали в Семиреченскую область.

Однако, Семиреченская область не принесла перемены моей жизни. Попрежнему мне приходилось служить в батраках.

Настал 1912 год. Я как будто немного начал разбираться кое в чем. В той местности, где мы жили, стали проводить каналы для орошения полей. И вот я поступил на казенную службу.

На казенной службе я много говорил с товарищами по работе и с техниками. Стал интересоваться и расспрашивать техников о жизни за границей. И вот все время меня толкала мысль:

— А как бы самому побывать там, за границей!

Когда я слушал техников, слушал их рассказы о заграничной жизни, меня больше всего мучила мысль, — почему это люди живут всюду не одинаково хорошо.

Начинается империалистическая война.

В 1914 году происходит мобилизация и первая отправка на фронт. Правда, мне как-то тогда нравилась военщина. Когда солдат возвращался со службы, я всегда думал: „Чорт возьми, какой бравый приходит со службы, совершенно как будто другой человек из другого царства, из другой державы".

Обратной стороны жизни солдата я не видел и не знал жизнь солдата, а потому она казалась мне совершенно сказочной.

Подходит очередной призыв на военную службу. 15 мая 1915 г. мой день призыва. Нужно

ехать в соседнее село. Собралось нас четверо товарищей и отправляемся все мы вместе. Все мы были холостые ребята, все молодые, все здоровые. Ехали все в хорошем настроении, как-будто в гости или куда на гулянку.

Прошло некоторое время. Я знал, что мне скоро нужно отправляться на позиции, а в то же время, как беззаботный мальчик, не думал о судьбе моих родителей, о том, как останутся мои старики. Вдруг вызывают к призыву, как старого солдата, и моего отца,—мать остается одна. А я все мальчишка-мальчишкой. Родные кругом плачут, а я только смеюсь, как-будто это меня совершенно не касается, как-будто это какая-то шутка и я не понимаю, о ком и о чем плачут.

Отца не взяли, а вот нас повезли. В последний раз мы простились с нашими местами. Мы ехали на подводах до самого города Лепсинска, потому что железной дороги до города Лепсинска в то время не было. Нам нужно было перевалить не через одну гору. На пути мы сделали остановку в городе Верном. (Ныне Алма-Ата. *Б. Б.*).

Времени прошло уже много. В Верном нас застала зима, а мы были в летней одежде. В Верном шли дожди и падал снег. Кое-кому выдавали шинели, а кое-кому сапоги, но только самым нуждающимся.

Из Верного тронулись дальше. Ехали трактом, проезжали села и деревушки и все это медленным, тихим, гусиным шагом.

Приехали мы к городу Чимкенту. В городе Чимкенте встретили мы закопченного вороного железнодорожного ломовика, хочу я сказать, паровоз. Из нашей среды многие отроду не видели такого зверя. Все побежали смотреть паровоз. С компанией побежал и я. Из Чимкента нас повезли в город Ташкент. В Ташкенте нас погрузили в вагоны и отправили по маршруту в Оренбург.

В городе Оренбурге погнали нас всех, как стадо баранов, в деревянные бараки. Нас разбили по ранжиру, по-ротно и по-взводно. Сразу почувствовалась военная служба. Военный режим показался мне совсем не таким, каким я его представлял.

На другой день нашего пребывания в деревянных бараках, с нами начали проводить ежедневные занятия. Днем на площади, вечером в бараках — по словесности. Словесность значит: зубри, как величать и как отвечать начальству. Пошли дожди, холода, а нас как собак попрежнему гоняют, несмотря на то, что некоторые были совершенно голые и босые. Кормили нас очень скверно, гнилой рыбой.

В декабре месяце часть из нас отобрали, как-будто в учебную команду. Мы думали, что положение наше изменится к лучшему, что переменится наша служба, но служба стала хуже и суровее.

Надежды не оправдались.

Назначено было в учебную команду 29 человек. Занятий было вдвое, вдвое строже стал военный режим. Кое-кому стало попадать в зубы, кое-кого били и по щекам.

Однажды вся рота ушла на занятия, остались только мы — 29 человек учебной команды. Подпрапорщик дал распоряжение каптенармусу переменить нам все обмундирование и выдать новое, хорошее. Затем сказал, чтоб мы до обеда успели вымыться в бане. Когда рота вернулась к обеду с занятий, мы уже были в новом обмундировании, которое никому в нашей роте больше не выдавали. Все понимали, что нас куда-то отправляют, но никто не знал куда, кроме ротного и подпрапорщика. Вокруг нас была как-будто какая-то тайна.

На другой день мы пообедали до прихода роты (на занятия нас опять не отправили). Затем под командой подпрапорщика мы отправились по назначению. Назначение было близкое. Всего на-всего каменные казармы вместо наших деревянных бараков.

На новой позиции нас сдали другому подпрапорщику, а наш подпрапорщик вернулся в свою роту. Разместились мы все вместе на нарах. В этой казарме было уже порядочно народу, приблизительно около 400. Ребята были все подобраны, как один, рослые, здоровые и молодые. О нашем назначении носились слухи, но ничего официального не было известно. Были

только предположения, что посылают куда-то за границу. Куда, — неизвестно. Пробыли мы в этой казарме недели полторы. Изредка производили небольшие занятия, но больше времени уделяли мы по своим делам. Кто шел гулять по городу, кто спал или играл в карты. Настоящего начальства мы не видели. Начальство видели только утром и то не каждый день. Все чувствовали себя свободно.

Через несколько дней приезжает начальник Казанского военного округа в чине генерал-майора.

Большой обширный двор обнесен каменным забором. С двух сторон двора двухэтажные казармы из красного кирпича. Напротив ворот белая казарма, мы ее занимаем, сборная рота. Казармы образуют во дворе вроде треугольника. У входа во двор стоит часовой, который наблюдает за появлением на горизонте генерала. Нас всех выстроили на дворе во взводную колонну, друг другу в затылок. Через несколько минут появляется генерал. Подается команда „смирно".

Мы стоим, как вкопанные.

Сквозь кожу сапог пощипывает ноги мороз, но мы все стоим смирно, как перед святым свечи. Все устремили глаза на въехавшую вместе с генералом свиту. В первый раз в своей жизни я видел генерала. До этого я представлял себе генерала совсем иначе, думал, что это человек совсем другой породы. Но тут я увидел, что

разницы человеческой нет никакой, стоит тот же самый офицер, но другие погоны и какие-то еще знаки отличия. Какие знаки отличия, я хорошо не рассмотрел, так как все время ноги щипал нестерпимый мороз.

Генерал со свитой подошел ближе к выстроенной роте, приказал построить роту по-взводно в две шеренги, — шеренгу от шеренги на пять шагов. Затем стал ходить по шеренгам, начиная от одного фланга до другого. Несколько раз он так ходил, потом стал выбирать и назначил выйти вперед около 200 человекам. Потом вызвал еще 50 человек по собственному желанию. Остальным генерал приказал отправляться по своим частям, откуда они были высланы в сборную роту. Я был в числе отобранных генералом.

Нам пришлось поежиться на морозе, покашлять.

Генерал прокричал нам несколько слов про новое назначение. Генерал объяснил, что мы должны ехать за границу, во Францию. Потом генерал уехал, и наш двор опустел.

К вечеру наши казармы сильно поредели, потому что те, кто не попал к назначению во Францию, вернулись в свои части, откуда их пригнали в сборную роту. На другой день, после чая, нас, которые остались в казармах, стали сортировать, разбивая по-взводно.

Прошло еще некоторое время. Наконец, прибыл приказ — Оренбургской части особого назначения (нас так назвали) приготовиться к отправке

в Самару. В Самаре должен был формироваться полк или бригада.

На третий день после приказа нашу роту особого назначения вывели на двор. На дворе появилось несколько офицеров с золотыми погонами и среди них командир той роты, к которой мы принадлежали раньше. Из нашей бывшей роты попало большинство. Из 29 человек не попало только шесть, а двадцати трем предстояло ехать за границу.

Наш бывший командир роты подошел к нам, поздоровался и стал говорить, какие у него ребята счастливые. Постоял, поговорил, сказал про себя, что и сам бы с удовольствием поехал, еслиб можно было, потом пожелал хороших успехов и с каждым простился за руку.

Через несколько минут раздалась команда „становись!“. Все стали на свои места, впереди разместилась музыка, духовой оркестр. Мне пришлось в первый раз в жизни слышать духовую музыку. Музыка всех оживила и каждому дала какую-то бодрость и выправку солдатскую. Музыка двинулась вперед, за музыкой двинулись и мы по отделениям.

Мы шли по городу на станцию. День был ясный, дул небольшой ветерок. По тротуарам гуляла вольная публика. Среди вольной публики виднелись люди с заплаканными глазами.

У некоторых из нас среди этой публики были жены с детьми и родители, но у меня никого не

было, ни знакомых, ни родных, и мне было легче переносить, чем тем, у кого были родные. В четыре часа нас погрузили в теплушки, в половине пятого мы оставили город Оренбург.

На другой день мы прибыли на станцию Самара. Вылезаем из теплушек и начинаем топать ногами, как застоявшаяся скотина. Стоим на морозе, ждем, пока назначат казарму для нашего житья, и сами танцуем невольный танец. На улицах Самары было пусто. Никто нас не встречал. Шли мы без музыки под сухую команду „раз, два, три", и вся Самара точно кого хоронила. Единственный, кто нас встретил на улице, это трамвай. Некоторые из нас, как, например, я, из Семиреченской области, видели трамвай (конку, а не электрический) в первый раз. Мне повозка показалась очень чудной — народу внутри напихано много и на вагоне-повозке еще публика сверху, а везут все это лишь только две запряженные лошади.

В Самаре мы разместились снова в кирпичных казармах. Во втором этаже для нас были уже приготовлены вновь выстроенные, чисто оструганные нары. Часа в два дня был приготовлен обед, и что самое главное, была на обед русская каша, которую мы еще с самого дома не кушали. Да и вообще должен я сказать, для русского солдата на военной службе кроме масленой каши лучшего кушанья не было.

Славно мы пообедали, а затем на отдых, на бок. Кто затягивает песню, кто подтягивает песне своим сонным храпом.

Жили мы две недели. Через несколько дней к нам прибыл по назначению ротный командир. Ротный командир был выше среднего роста, лысый с переломленным носом. На вид он был очень строг, любил дисциплину и выправку, но понапрасну на солдат никогда не кричал, уж не то, чтоб на солдата замахнуться.

Зато подпрапор, невысокого роста, с рыжими усами, такими, что за уши закручивай, был не человек, а настоящий зверь или цепная собака. К каждому любил придраться, за каждую малейшую провинность готов был убить человека.

По прибытии ротного командира мы начали производить небольшие занятия. Фамилия ротного командира была капитан Шульц. Фамилия подпрапорщика — Игнатьев. Нас назначили во второй батальон восьмой роты. Батальонный командир, грузин по национальности, в чине подполковника.

Занятия пошли еще более усиленно, дрессировка и подготовка шли с утра до позднего вечера. Через некоторое время приехал к нам полковник генерального штаба Иванов, человек среднего роста, молодой, красивый, стройный, в очках. Полковник здоровается с каждой ротой в отдельности. Потом полковник прошел по

всему построенному фронту, и мы прошли перед полковником под музыкальные звуки церемониальным маршем. После приемки полка нам еще пришлось несколько дней ходить на занятия. А потом, слышим мы приказ по полку: к отправке. Дня за два до отправки мы уже были свободными от занятий. Готовились к дальнему походу. Время пошло на перешивку шинелей, переделку фуражек. Кто в баню сходит, для дальней дороги вымыться надо, кто в город за покупками.

Наконец, настал знаменательный день.

С утра зашевелились ребята, укладывая вещи. Это был самый горячий день. До обеда мы получили жалованье солдатское (кто не мог получить в прошлые дни).

Первый раз была такая получка. Было солдатское жалованье всего семьдесят пять копеек, а мы получили по двенадцать рублей пятьдесят копеек за месяц.

Пообедали мы последний раз в казарме и пошли на вокзал. День был хмурый, не видать было и солнышка, как-будто оно скрывалось от нас.

Вот паровоз подал гудок. Из трубы паровоза повалил черный дым, и поезд наш пошел по Сибирской дороге. Через город Челябинск доехали до города Омска, затем прибыли на станцию Маньчжурию. Это была первая неделя Великого поста. На станции была небольшая русская церковь, в которой нам пришлось отговеть. Говение задержало нас на несколько лишних дней. Через

неделю снова мы залезли в душные вагоны и продолжали путь. Пришлось вскоре распроститься с русскими морозами и с русскими деревнями. Шли китайские деревни, дома были вроде землянок, точно суслик накопал кучку. Наконец, добираемся мы до города Порт-Артура. Внешний вид города показался нам очень бедным, но о внутренности города рассказать не приходится; нас держали около пристани. В порту уже грузили углем и провиантом для нас пароход. Как я уже говорил, в город нас не пускали, и дороги в город все были закрыты.

На третий день мы стали запасаться на морскую дорогу апельсинами. Нам было сказано, что в море нас ожидает сильная жара, что воды будет недостаточно, и что нужно запастись апельсинами, которые в жаркое время пойдут взамен сырой воды. Каждый старался запастись апельсинами, кто покупал ящик, кто три (в ящике по сто штук).

На четвертый день наш пароход был готов к отправке. В день нашего отправления мы услышали на палубе страшный шум. Это была схватка нашего полкового священника с одним офицером, который привел на прощанье на палубу парохода свою знакомую, а может быть жену, чтобы показать ей пароход. Вдруг на офицера наскочил в пьяном виде полковой священник, придрался. Поднялся шум. Конечно, офицер в свою очередь был тоже пьян.

Дело продолжалось около получаса. Священник стал выражаться разными словами, нам пришлось впервые слышать „духовного отца“, который, еле стоя на ногах, крыл, что называется, во всю, русской матушкой. Это он давал „благословение“ к отправке и вместо богослужения сыпал как из пулемета словами, которые вылетали из его уст без всякой ошибки. Наконец, его успокоили, и наш пароход отчалил.

Через девять дней мы встретили среди моря большой остров Сингапур.

Сингапур был для нас замечательным оживительным местом, после девятисуточного плавания. Я увидел впервые земной рай. Когда мы уезжали из России, стояли сильные морозы, глубокие сугробы снегов. Здесь же была жизнь совершенно другая. На второй день прибытия в Сингапур нам пришлось побывать внутри города.

Весь берег застроен незавидными домиками, даже на воде около берега были заколочены столбы, сверху столбы замощены и все это покрыто крышей от дождя и солнечного света. В этих хижинах живут, видимо, бедняки.

В городе Сингапуре хотя и имеются лошади, но на ряду с лошадьми возят людей и негры. Негры возят небольшую двухколесную тележку на резиновом ходу, зарабатывая себе и своей семье пропитание...

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПРИБЫТИЕ РУССКОЙ БРИГАДЫ ВО ФРАНЦИЮ

Наконец, кончился наш долгий путь. Многие из нас болели. Кое-кто умер на пароходе. Пароход подходил к месту назначения, к порту Марсель. Мы все как один стояли на палубе и смотрели вперед на место нашего назначения. Пароход наш идет все тише и тише. Загремела музыка на пароходе. В свою очередь на берегу тоже играла музыка, звуки сливались в одно. Раздавались крики „ура“. Наш пароход причалил. Навстречу нашему пароходу собрались военные силы, кавалерия и пехота; вольной публики было больше, чем военных. На сердцах была радость, нам выдали в этот день летнее новое обмундирование, да и сами мы постарались не кинуть в грязь русскую серую шинель.

В душе никто из нас не понимал, зачем мы приехали во Францию и для чего.

Улицы Марселя были полны толпой. Весь город гудел. Мы проходили улицы стройными

рядами. Нас закидывали разными цветами и гостинцами.

Каждый вольный[1] француз или француженка сгорали желанием чем-нибудь нас угостить или что-нибудь нам подарить. Из окон высоких домов тоже бросали цветы или узелки с какими-нибудь гостинцами. Никто из нас не знал, что нас ждало впереди.

По прибытии во Францию первой русской бригады и в особенности нашего второго полка, в котором я находился, произошли многие события, которые я и расскажу.

В городе Марселе нас разместили во фруктовом саду. В этом фруктовом саду стояли большие военные палатки, и был приготовлен обед. Но это все нас не удовлетворяло. Каждый из нас стремился попасть в город, многим приходилось даже перелезать для этого через высокий каменный забор.

Нам было непонятно: встреча была хорошая, а держат нас в этом саду как каких-нибудь зверей! И на каждого русского солдата со всех сторон смотрела французская публика, как на какого-нибудь северного серого зверя. Мы чувствовали себя как в зоологическом саду.

Нас все время окружало много публики. У многих заметны были слезы на лице, у многих же улыбка.

---

[1] Штатский.

Двое суток прожили мы в Марселе. Потом нас поездом отправили в какой-то военный лагерь. Помню, по дороге на одной небольшой станции нам пришлось задержаться на несколько часов. Все солдаты повылезли из вагонов. Около вагонов собралась толпа вольной французской публики. Среди них были старики, были и молодые. Шли игры и танцы, а главное нас просили спеть русский гимн. Мы собрались в кружки и пели „Боже, царя храни". Они в свою очередь пели „Марсельезу".

Местом нашего назначения оказался лагерь Кон ля-Ман. Лагерь был большой. В этом лагере стояло много войск, но больше всего было в лагере алжирцев и африканских негров. Нас разместили в деревянных бараках. Бараки были летние, но нам впоследствии пришлось в таких же бараках оставаться и в сырую осень.

На другую неделю к нам прислали в виде переводчика по одному французу на каждую роту. Через некоторое время нам предложили записаться в особый список, кто желает иметь в виде „крестной матери" француженку.

Желание было изъявлено почти всеми. Были отобраны от нас подписи, фамилии, имена. Через несколько дней стали приходить письма, которые мы читали при помощи переводчиков.

Каждый из нас думал, что мы приехали во Францию не для фронта, не для окопов, а для какой-то связи. Мы думали, что мы, русские,

будем размещены и разосланы по городам для несения гарнизонной службы, для караулов.

Но это была ошибка.

На следующей неделе после того, как мы прибыли в лагерь, нас уже выгнали на занятия.

Подготовляли нас целый месяц, но не для гарнизонной службы, а для фронта.

Через некоторое время нас выстроили на небольшой лагерной площадке.

Черный, с длинными волосами, поп бригады отслужил коротенький молебен. И погнали нас на фронт пешком при полной амуниции. Первый полк поехал на фронт на автомобилях, так как ему первому нужно было заступать позицию. А мы поплелись пешечком.

Вечером ударил сильный дождь, но никакого укрытия на дороге не было. Ночевать было очень плохо. На следующий день добрались мы до лагеря Мормилон в шести километрах от фронта.

Прошло несколько дней. Через несколько дней нашему полку пришлось перейти из лагеря на фронт вместо первого полка, который занимал позицию перед нами. Мы заняли не самую линию фронта, а резервные окопы и разместились в резервных убежищах. Через два дня, в первый раз в своей жизни, когда мы сменяли первый полк, довелось мне услышать выстрелы из винтовок, треск пулеметов и разрыв шрапнелей...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

РУССКИЕ СОЛДАТЫ НА ФРАНЦУЗСКОМ ФРОНТЕ

В первые часы никому из нас особенно страшно не было. Мы думали, что постреляем немножко, да и пойдем спать, как дома или как в лагерях. Но дело обстояло совершенно не так, как мы предполагали.

Через три дня нам пришлось впервые получить небольшой „гостинец“ с германских позиций. Затем последовали еще „гостинцы“. Первый преподнесенный нашей роте „гостинец“ ударил прямо на наблюдательный пункт. От наблюдательного пункта со всеми наблюдателями осталось одно воспоминание да небольшой кусочек русского живого мяса. Второй „гостинец“ разнес вдребезги небольшое убежище. Так мы познакомились с „гостинцами“ Круппа.

На позициях полагалось получать вино. Порция каждого солдата была поллитра в сутки. Но это вино выпивали не мы, а наши офицеры.

Выпивали вместе с французскими офицерами в честь русских солдат.

Благодаря русским солдатам наши офицеры слыли героями, производились в высокие чины и нашивали себе наградные знаки. После нескольких недель пребывания на фронте, нас отвели обратно на отдых в лагерь Кон ля-Ман.

Полтора месяца жили мы в лагере, но вместо отдыха пришлось проводить усиленные занятия. В лагере было хуже, чем в самом горячем огне окопов. Жили мы в сырости. Офицеры проявляли много зверства. Через месяц „отдыха“ мы снова пошли на фронт в секторе Шампань. Ночевали попрежнему в сырых убежищах и сараях и питались одними консервами.

Так дело продолжалось до марта 1917 года.

Весной в марте месяце узнали мы о свержении дома Романовых. Весной мы узнали, что во главе государства стоит Временное правительство. В это время как-то не верилось, что все это могло случиться и что русским государством больше не управляет царь. Хотелось по-настоящему узнать, что творится на родине, хотелось скорее попасть домой, в Россию. После объявления в частях русских войск, находившихся во Франции, о том, что в России царя больше нет, а есть Временное правительство, солдаты почувствовали себя свободнее. Офицеров стали называть „господин поручик“ или „господин капитан“ без титулования. Зуботычина была

отменена, потому что каждый офицер уже боялся тронуть того или другого солдата, каждый солдат мог дать офицеру обратно.

Нас снова перевели с фронта на отдых, в маленькие деревушки, а потом снова перевели на фронт под город Реймс. Наша позиция находилась в шести километрах от Реймса с левой стороны. В маленьких убежищах прожили мы под Реймсом полторы недели. Семь дней шла усиленная бомбардировка, как со стороны германцев, так и со стороны французов. Почти целый день гремела канонада. Все мы были в ожидании последнего дня.

В первый день Пасхи канонада внезапно стихла. Затем нам пришлось по старому русскому обычаю „разговеться“ немецким „подарочком“. В три часа ночи к нам стали посылать из германских окопов снаряд за снарядом удушливых газов.

На этом участке позиций у нас было всего два полка русских солдат. Нам дали приказ наступать. Немцев против нас стояло гораздо больше, но благодаря тому, что мы напали внезапно, нам удалось занять быстро первую линию германских окопов. Когда мы наступали, проволочные заграждения перед германскими окопами оказались ничуть не поврежденными нашим орудийным огнем и приходилось их резать ручными ножницами.

Куда била французская артиллерия все эти дни — неизвестно!

Почему все три линии немецких проволочных заграждений были в целости — неизвестно.

Было похоже на то, что все это делалось со специальной целью. Со специальной целью русских солдат бросали на нетронутые укрепления, желая хоть напоследок „израсходовать“ солдатскую силу.

Очередной отдых был для нас приготовлен в небольших деревушках.

Вместо того чтобы дать нам хоть немного отдохнуть в подходящих казармах, на отдельной постели, разместили нас по грязным сараям, да по чердакам. Приходилось спать русским солдатам чуть ли не вместе со скотиной.

После наступления на фронте нам пришлось около месяца ютиться на ночлегах по маленьким деревушкам.

В это же время долго пришлось нам бороться за то, чтобы сорганизовать ротные комитеты, а потом и батальонные и полковые солдатские организации. Полковые комитеты со своей стороны выбрали бригадный комитет. Бригадный комитет находился в одной из больших деревень близ самого фронта.

Мы устроили большой общий митинг, на котором выбрали пять товарищей делегатами. Эти делегаты должны были поехать в Россию, должны были договориться с русским представителем во Франции относительно отправки русской бригады на родину. В случае несогласия предста-

вителей России на обратную отправку русских войск, было решено немедленно выехать самим во что бы то ни стало.

Но все же после того как отправили делегацию, пока остались мы лишь в ожидании.

Внутри же нам пришлось выдержать большую борьбу с офицерством.

Первое наше столкновение внутри частей было со своими офицерами и генералами, которые хотели вновь подчинить себе всю бригаду. Офицерство хотело, чтобы мы продолжали танцовать под офицерскую дудку, хотели взять нас на обман.

Офицеры дали приказ всей бригаде построиться на площади для совместного объединенного митинга и для устройства парада. Бригада была выстроена в ожидании митинга и парада. Наши офицеры решили тонко подойти к нашему брату.

Первым долгом начались длинные речи. Генерал Лохвицкий в заключение своих слов сказал, что нам необходимо принять присягу Временному правительству и беспрекословно подчиняться Временному правительству во всех его делах и во всех повелительных приказах.

Однако, ему много говорить не дали. Речь генерала скоро прервали. Некоторые товарищи громогласно начали убеждать солдат категорически отказываться от присяги. Настроение солдат было целиком против присяги Временному правительству.

Тогда генерал пошел другим путем. Генерал сказал:

— Кто желает принести присягу Временному правительству, тот должен остаться на месте, кто не желает, тот может разойтись.

И что же оказалось?

Оказалось, что остались только офицеры и офицерские холуи.

Это было первым толчком к неподчинению и непризнанию Временного правительства.

Беда наша заключалась в том, что большинство товарищей еще не знало хорошенько о том, чем было в сущности Временное правительство, но благодаря стараниям некоторых отдельных товарищей, которые уже знали, что из себя представляет Временное правительство, солдатская масса тоже кое-что узнавала.

Первый же объединенный митинг крепко сплотил солдатские массы. В последних числах апреля бригадный комитет разослал объявления, что 1 мая вся бригада должна выйти к одной из близ стоящих деревень около расположения нашей бригады. Мы должны были собираться в этой деревне для проведения Первого мая. Туда же должен был притти бригадный генерал, командиры полков и все офицеры.

Но еще до Первого мая наш Бригадный Комитет обратился к своим представителям с просьбой, чтобы они выхлопотали для всей бригады общий большой лагерь, где могла бы

разместиться вся бригада вместе, чтобы бригада больше не валялась по сырым сараям, на гнилой соломе.

Решили крепко нажать на нашего генерала. Наша цель была во что бы то ни стало дать возможность отдохнуть бригаде не в сараях, а в лагерях, главная же наша цель была сплотить воедино бригаду в дружную крепкую организацию. Эта цель была тайной для господ офицеров.

После проведения дня Первого мая еще долго наши русские бригады были в том же тяжелом положении, еще долго пришлось бороться за то, чтоб иметь возможность отдохнуть.

Через несколько дней пришло распоряжение итти нам в один из французских лагерей, а именно в лагерь ля-Куртин.

В лагере ля-Куртин могла разместиться вся Первая бригада в одних лишь каменных казармах. Но кроме каменных казарм были еще деревянные бараки и военные палатки.

Через некоторое время Первая бригада организованно требовала перевода в лагерь ля-Куртин и Третьей бригады, находившейся внутри Франции.

Третью бригаду извлечь в лагерь ля-Куртин было очень трудно. Она находилась от нашей Первой бригады на далеком расстоянии, и в ней не было такой крепкой организации, как в Первой. Все же, хотя и с большим трудом, мы тянули Третью бригаду в наш лагерь, потому что она

уже готовилась итти обратно на фронт. Тормозом к слиянию двух бригад воедино было офицерство, которому не хотелось, чтобы Первая и Третья бригады были вместе.

Как ни трудно было соединиться двум бригадам вместе, все же мы соединились.

Через несколько дней после занятия Первой бригадой лагеря ля-Куртин, приехала и Третья бригада. Третью бригаду разместили по деревянным баракам. По прибытии Третьей бригады в лагере стали открываться всякого рода собрания, стали собираться разные митинги. Вначале обе бригады как-будто шли рука об руку, во всех отношениях. Во всем лагере было дружное настроение. Во всем лагере было настоящее братство и равенство.

Только не было равенства между солдатами и офицерами.

Обе бригады были настроены крепко в отношении требования:

— Всех в свободную Россию.

Только наши офицеры были против этого требования.

---

*

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЛЯ-КУРТИН

Я уже рассказал про соединение Первой и Третьей бригады в лагере ля-Куртин.

Вскоре начались небольшие разногласия между Первой и Третьей бригадой.

Потом разногласия стали больше. Дело заваривалось не на шутку. Дезорганизацию начали вносить офицеры.

Но дезорганизация коснулась только одной бригады, мало организованной.

Разногласия у нас шли по двум вопросам: первый вопрос — отправка русских солдат из Франции в Россию; второй вопрос — выдача оружия. Мы решили не выдавать оружия до тех пор, пока не будем на русской границе.

Третья бригада этих требований целиком не поддерживала. Поверила Третья бригада своим офицерам, была к ним слишком доверчива и пошла на их удочку.

Через несколько дней вся Третья бригада была переведена в другой лагерь. Правда, были и в

Третьей бригаде некоторые товарищи, которые отказались уйти из лагеря ля-Куртин в лагерь Фельтен, находящийся неподалеку от лагеря ля-Куртин, в 25 километрах.

Но нашлись кое-кто и в Первой бригаде, которые тоже совместно со своими офицерами влились в Третью бригаду и перешли вместе с ними в другой лагерь.

Таких изменников было очень небольшое число, это были те, кто ближе стоял к своим офицерам. Были среди изменников, понятно, кооптеры, денщики, подпрапорщики и некоторые георгиевские кавалеры. Переходившие в другой лагерь надеялись, что их отправят в Россию раньше, — но это была одна ловушка, чтобы взять в подчинение бригаду и потом отправить ее обратно на французский фронт. Но все же им не удалось это сделать, как они этого ни хотели.

После первого раскола между бригадами, в лагере ля-Куртин осталась только одна Первая бригада. К ней присоединилось несколько тысяч человек из Третьей бригады. Всего нас осталось в лагере ля-Куртин 9000 солдат без офицеров, так как все офицеры от нас откололись. Остался с нами один офицер, который занял в нашей бригаде пост коменданта лагеря.

Правда, было этому офицеру предпочтение от солдат.

Оставшиеся в лагере организовали милицейскую охрану и установили порядок.

Порядок в лагере был полнейший. Происходили даже ежедневные военные занятия. В каждой роте, в каждой команде были Комитеты, которые руководили ротами и командами, проводили ежедневные собрания, проводили беседы на разные темы. Настроение у всех было очень хорошее, и все мы помнили, что один за всех и все за одного.

С первого августа начались бригадные собрания. На собраниях и митингах начали выступать приезжавшие ежедневно русские эмигранты. Среди эмигрантов была самая различная публика, наша и чужая. Хорошо помню, что на одном из митингов выступал какой-то миллионер, мануфактурист, который хотел доказать, что он тоже стоит „за свободную родину".

На наших собраниях стояло три главных вопроса, на которые мы больше всего упирали. Это были отправка на родину в Россию, сдача оружия и отправка оружия в Россию.

На одном из митингов было очень много разного рода соглашателей эмигрантов. Выступил председатель нашего бригадного комитета тов. Балтайс, который громко говорил, что прибывшие на митинг соглашатели хотят повернуть бригаду обратно на фронт, чтобы солдатские кости остались лежать на французском фронте, как кости многих товарищей, которые уже не вернутся в Россию. После этого митинг был закончен.

21 июля председатель бригадного комитета и его заместитель поехали в соседний лагерь Фельтен для мирных переговоров относительно нашей отправки. Оба товарища были представителями Первой бригады.

В соседнем лагере их арестовали. А нам сообщили, что их арестовали временно, до тех пор пока мы не подчинимся распоряжению начальства, пока мы не сдадим оружия и не выступим вместе со второй бригадой на французский фронт.

Однако, после ареста товарищей Первая бригада стала еще более настойчиво и энергично требовать освобождения наших товарищей и отправки в Россию.

Нам пришлось выбрать нового председателя Бригадного Комитета.[1]

Председателем Бригадного Комитета был избран товарищ Глоба. Но товарищ Глоба был менее устойчив, по сравнению с предыдущим председателем Комитета, тов. Балтайс. Предъидущий председатель Комитета склонялся к большевизму, в то время как товарищ Глоба больше был склонен к партии анархистов.

На другой день после ареста товарищей были созваны представители батальонных, полковых и ротных комитетов, а также представители всех

[1] По некоторым воспоминаниям, Бригадный (отрядный) Комитет был переименован в „Совет солдатских депутатов лагеря ля-Куртин". *(Б.Б.)*

команд. На этом собрании председатель Бригадного Комитета заявил, что нам некогда делать общее собрание, так как времени остается очень мало до последней и решительной борьбы.

На этом совещании было решено держаться стойко и крепко попрежнему.

После этого совещания представители и члены комитетов немедленно разошлись по своим частям и командам, созвав ротные и командные собрания, на которых давали слово стоять до последнего человека.

Как жалко, что наша бригада не была перекинута в это время в Россию! Она во время Октябрьской революции была бы первой на страже Октября, на баррикадах Октября. Вся бригада была пропитана духом большевизма. Первую бригаду так и называли „бригада-большевик".

Но Временное правительство Керенского знало, каким духом дышит бригада, и Временному правительству не было никакого интереса перекидывать бригаду с французского фронта в Россию.

В это время уже по всей Франции начали носиться разнообразные слухи про Первую русскую бригаду в лагере ля-Куртин. Слухи носились такие, будто бригада буйствует, будто бригада делает всякого рода безобразия, будто бригада распустилась. Но мирные жители деревни Куртин могли подтвердить, какой порядок, какая тишина и какая примерная дисциплина были в русском лагере.

Настало время большого испытания для всей бригады.

Был издан приказ, в котором предлагалось во что бы то ни стало соединить вместе обе бригады. Местом соединения была назначена станция Клераво. На эту станцию наша Первая бригада должна была выйти без оружия. Оружие следовало оставить в лагере ля-Куртин.

Нам это было сделать легко. Винтовок мы с собой, правда, не брали, а взяли с собой револьверы и ручные гранаты. Кроме того, мы оставили в лагере всю милицию в числе двухсот пятидесяти человек, помимо милиции еще две роты и команду пулеметчиков. В ротах усилилось дневальство.

Остальные, вооруженные револьверами и бомбами, пошли на указанное место, для того чтобы показать, что бригада не состоит из трусов, как клеймило офицерство бригаду по всей Франции.

Утром бригада двинулась на указанное место. До станции Клераво было пятнадцать километров. От лагеря Фельтен, где стояла Третья бригада, было до станции не ближе, чем от лагеря ля-Куртин. Место соединения выбрали как раз посредине. Но когда наша бригада прибыла на указанное место, то там не было видно ни одной солдатской фуражки.

Зато в стороне были заметны мелькающие фигуры в солдатской форме. Это были поставленные ими посты с пулеметами. Когда мы

увидели, что Третьей бригады нет, мы хотели вернуться обратно. В это время к нам подъезжает офицер в чине полковника, который объясняет, что Третья бригада выстроена немного дальше и ожидает нас. Мы не стали сопротивляться и пошли дальше, правда, там, где он говорил, бригады не было, а было около батальона и то навряд ли.

С нашей стороны полковнику задали вопрос о том, где находится сейчас Третья бригада. Полковник на вопрос не ответил. Через некоторое время раздалась команда „смирно“, приехал сам генерал.

Генерал поздоровался, поблагодарил бригаду за исполнение приказания и приказал офицерам немедленно соединиться, взять команду и перейти в лагерь ля-Куртин.

Но офицеров в Клераво было совсем мало. Позор офицерам за то, что они боялись нашего прибытия.

Мы заявили генералу, что из лагеря Куртин в лагерь Фельтен для того, чтобы жить в палатках, мы переходить не согласны. Если Третья бригада пойдет в лагерь ля-Куртин, то пожалуйста, мы против ничего не имеем.

Мы вернулись обратно вечером в свой лагерь ля-Куртин. На другой день был получен приказ от имени Керенского за № 34 от 30 июля 1917 года.

Вот этот приказ:

ПРИКАЗ

по русским войскам во Франции № 34
17 (30) июля 1917 года, город Париж.

15 (28) июля мною получена телеграмма военного министра господина Керенского за № 3172, где вопрос о возвращении войск наших, здесь находящихся, в Россию решен категорически отрицательно.

Наоборот, Временное правительство предусматривает по стратегическим соображениям возможность отправки первой особой дивизии на Салоникский фронт.

В той же телеграмме мною получен следующий приказ:

„В виду брожения и нарушения дисциплины первой русской бригадой во Франции, военный министр находит необходимым восстановить в этой части порядок самыми решительными мерами, не останавливаясь перед применением вооруженной силы и руководствуясь только что введенным положением

о военно-революционных судах с правом применения смертной казни. Подчинение первой бригады воинскому долгу возлагается на Третью бригаду, дабы избежать, если возможно, вмешательства в это дело французских войск".

16 июля в телеграмме № 60163, военный министр приказал:

„Приказываю привести к повиновению Первую русскую бригаду на французском фронте и ввести в нее железную дисциплину. В частях, пользующихся свободой собраний для неповиновения распоряжениям начальства, собраний не допускать. Преступные элементы, вносящие разложение, немедленно изъять и предать суду. Ввести военно-революционные суды и не останавливаться перед применением, в крайности, расстреляния по приговору суда".

Во исполнение сего даю срок сорок восемь часов, чтобы солдаты лагеря Куртин одумались и сознательно изъявили полную покорность и подчинение всем приказам и распоряжениям временного правительства и его военных представителей.

Требую, чтобы в знак изъявления этой покорности и полного подчинения солдаты в полном походном снаряжении, оставив огнестрельное оружие

и холодное на месте, выступили из лагеря Куртин на место бывшего бивуака Третьей бригады при станции Клераво.

Данный мной срок кончается в пятницу 21 июля в 10 ч. утра.

К этому сроку все вышедшие из лагеря Куртин должны построиться на указанном выше бивуаке в полном порядке по полкам и по-ротно.

Все те, которые останутся в ля-Куртин, будут рассматриваться мною, как бунтовщики и изменники России. В отношении их я приму немедленно все, предоставленные мне, решительные меры.

Предупреждаю, что только указанный выше выход из Куртин я буду считать единственным доказательством изъявления покорности и подчинения.

Никакие условия, просьбы и заявления мною не принимаются.

Военно-следственной комиссии, образованной генерал-майором Николаевым, согласно приказа моего за № 33 § 4, предписываю немедленно приступить к производству следствия.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПОСЛЕ ПРИКАЗА № 34

По прибытии нашей бригады обратно в лагерь перед нами в лагерь проехал автомобиль во главе с офицером.

Мы задержали офицера с автомобилем. Выяснилось, что автомобиль прибыл в лагерь Куртин для того, чтобы взять имеющиеся в лагере большие офицерские палатки.

Офицер заявил охранявшим склад дневальным, что Первая бригада дала на то, чтобы забрать палатки, свое согласие. Однако, обман не удался, и офицера выбросили из лагеря вместе с его автомобилем.

Двадцать седьмого июля лагерь был уже со всех сторон окружен. Был издан приказ, чтобы солдат Первой бригады из ля-Куртин никуда не выпускать.

Прекратили отпуск продуктов и фуража для лошадей. Остались мы в ля-Куртин, закрытом со всех сторон, пропуску нам никуда не было: везде на всех дорогах поставили французские

патрули и часовых. Даже в деревню, около которой был расположен наш лагерь, вход запретили.

В двенадцать часов дня двадцать седьмого июля снова последовал приказ о сдаче оружия. Но все было напрасно. Мы заявили, что оружия не сдадим, не сдадим ни в коем случае.

Идут дни.

Прошло некоторое время.

28 августа, вторые сутки без продуктов и без фуража.

28 августа получен ультиматум: оружие сложить на площади и сдаться мирным путем без применения всякого рода наказания. Но мы все были крепки в своих словах, отказывались сдавать оружие и требовали отправки нас в Россию.

29 августа, — без продуктов и без фуража.

Снова поступает ультиматум о сдаче оружия.

1 сентября последний ультиматум о сдаче оружия. Мы стоим попрежнему на своем. В последнем ультиматуме нам предложили сложить оружие на площади или оставить все оружие на месте и выходить на все четыре стороны. В противном случае грозили открыть стрельбу по лагерю.

В ответ на последний ультиматум, мы решили выступить с оружием в руках из казарм. С музыкой в десять с половиной часов утра вся бригада выступила на улицы лагеря. Когда мы выступили на улицы, мы выбрали делегацию и послали ее к ним для переговоров.

Вместо возврата нашей делегации, они послали к нам трехдюймовый снаряд. Было одиннадцать часов утра. В ответ на этот выстрел у нас загремела музыка, музыка заиграла похоронный марш. Когда они услышали, что у нас играет музыка, то они дали еще три выстрела. Один снаряд попал в толпу, в самую гущу людей. Трех человек ранило, девять убило.

Итак, по нашему лагерю было в этот день выпущено всего три снаряда.

Мы все, как один, вооружились и ждали наступления. На второй день (второго сентября) было выпущено по лагерю одиннадцать снарядов, — но мы попрежнему не покидали друг друга, мы помнили, что один за всех и все за одного. А музыка играла марш.

3 сентября был открыт сплошной огонь. Огонь орудий начался с двенадцати часов дня. Мы не могли убирать убитых. Нам некуда было класть раненых, потому что бригадный околоток был переполнен.

4 сентября с утра у нас настало большое волнение. Кто хотел сдаваться, кто говорил, что нужно держаться дальше.

Снаряды сыпались, кровь смешивалась с грязью, и в конце концов не стало силы больше держаться. Продуктов не было. С 27 июля питались неприкосновенным запасом, который находился в полковых цейхгаузах (сухари с консервами).

Лошадей совсем нечем было кормить, — совершенно не было ни овса, ни сена. Продукты кончились 1 сентября. С 1 по 5 питались мясом убитых лошадей. Все же держались!

5 сентября с утра стали перебегать кто куда. Но кругом было оцеплено. Никуда не пускали. По бежавшим из Куртин открывали огонь, и многие остались на месте во время перебежек.

Приходилось сдаваться. 6 сентября лагерь был очищен. В лагере оставались только убитые и раненые.

В этот же вечер мы собрались в одной деревушке, километрах в пятнадцати от лагеря ля-Куртин. Нас отобрали сразу девять человек и погнали под конвоем французских солдат.

Это были старые солдаты. Солдаты относились к нам сочувственно и почтительно.

Один из моих товарищей мне еще днем говорил, что нужно будет куда-нибудь скрыться, а потом перебежать за границу. Но я на бегство не решался.

Когда же нас вели ночью, я понял, что вероятно нас из живых переведут в мокрые, холодные туши, и я начал думать о побеге. Мы говорили между собой о побеге, но все же не решались, потому что могли быть преданы расстрелу наши конвоиры, которые с таким уважением относились к нам. Мы подумали, что у них есть наверно семьи и что если конвоиров

расстреляют, их семьи должны страдать через нас. Вопрос о бегстве мы оставили.

Мы стали заговаривать с конвоем. На одной остановке конвоиры нам сказали, что они тоже обижаются на долгий фронт и что им тоже хочется по домам.

Было холодно. Мы шли, шли, шли, не торопились и все же думали об одном, что нам некуда торопиться, все равно гонят нас не на жизнь, а на смерть. Главное, мы поняли, что гнали нас обратно в лагерь Куртин. Мы хорошо знали, что в лагере Куртин должны еще быть наши товарищи, которые доживали свои последние минуты.

Часов около двух ночи нас пригнали в одну деревушку, где расположился штаб наших расстрельщиков.

Нам не пришлось в эту ночь предстать перед судом золотопогонных кровопийц.

Да все равно, им было бы нечего от нас узнать, и они от нас ничего не узнали. В деревне нас заперли для ночлега в холодное помещение, положили спать на голом асфальтовом полу. Легли мы все рядом. Это была такая длительная и тягучая ночь... Под утро в нашу камеру постучался один наш бывший товарищ из денщиков и предложил принести поесть.

Сначала мы решили ничего не принимать, кроме кружки с водой. Но недельная голодовка сказалась. В конце концов мы согласились, поели.

Наш бывший товарищ был, правда, хоть денщиком генерала, но все же сохранил к нам полное сочувствие. Он принес нам преогромную чашку разного жареного и пареного и две бутылки коньяку.

Ужин нас подкрепил.

С самого утра нас подняли и погнали дальше. Наконец, дошли мы до лагеря Куртин.

Доходим мы до лагеря и говорим нашим конвоирам по-французски:

— Майнтенан, ну... капут... (Теперь нам крышка.)

Кажется, конвоиры поняли, в чем дело.

На всех перекрестках лагеря стояли пулеметы. В большом кругу, огороженные штыками, лежали, сидели на земле, кто в шинелях, а кто без шинелей, наши товарищи.

Находясь в кольце охраны раздетые, под открытым небом, наши товарищи были вроде зверей, окруженные охотниками. Восьмого сентября был сильный дождь, а после дождя был в ночное время холод, а мы все сидели под открытым небом в шинелях и некоторые даже без шинелей. Две сотни человек сбились в одну кучу, как в какую-нибудь клеть, куда загоняют овец. Мы держались кучей вместе, чтобы было нам теплее.

9 сентября в двенадцать часов дня нас погнали на станцию и посадили в арестантские вагоны.

Поезд пошел.

*

Не помню, в каком городе наш поезд стоял около часу. Мы смотрели в окно сквозь решетку, как прогуливаются по платформе молодые и старые и рассматривают наши вагоны. Некоторые останавливались, стремились заговорить, хотели спросить, за что мы арестованы, но нам строго было запрещено разговаривать. Шла мимо вагонов старая-престарая старуха, она долго стояла молча и смотрела на нас. В конце концов ей вероятно надоело смотреть на нас и вообще стоять понапрасну, старуха начала выходить из себя и ругаться во всю ивановскую. Она кричала нам: большевик, Ленин, бош и в конце концов плюнула кому-то в лицо. Этой проклятой старухе вероятно давно уже надо было сгнить, да ее земля не принимала.

В арестантских вагонах мы доехали до города Бордо. В одиннадцать часов ночи нам были „гостеприимно“ открыты ворота одной из тюрем города Бордо. Все делалось быстро, по хорошему, из поезда нас высадили в трамвай, из трамвая в тюрьму. Никто не видел, никто не слыхал, ночь была темна, дело было шито-крыто.

В городской тюрьме города Бордо не было ни шума, ни писка человеческого голоса, раздавался только громкий бас тюремного начальника, который давал приказания тюремной администрации и тюремным часовым.

Мы заснули мертвым сном. Утром в восемь часов нас разбудил тюремный надзиратель. На-

чался тюремный режим. Хлеба давали полтораста грамм в сутки на завтрак, на обед и на ужин. И еще давали чашечку кофе. Обедали мы вареной фасолью. Ужинали — горьким кофе без сахару.

Нас держали в тюрьме города Бордо с 10 сентября до 25 октября. Со ста пятидесяти грамм хлеба и с вареной фасоли мы едва волочили ноги. Через несколько дней нам передали газету (через одного часового). В этой газете было напечатано, что в России был переворот и что большевики взяли власть. От радости мы крикнули „ура". В ответ на этот крик вбежали надзиратель и вся стража.

Надзиратель наверно решил, что все мы сошли с ума и остановился в удивлении, увидев нас веселыми. Мы протянули ему газету и объяснили, в чем дело.

Вскоре после Октябрьского переворота в России, нам улучшили тюремное положение. Стали разрешать прогулки, разрешили пользоваться пустой кухней и самим готовить себе обед.

Однако, несмотря на улучшение режима, мы все же хотели как можно скорее выбраться из тюрьмы. Мы требовали, чтобы к нам пришел и поговорил русский консул. Объявили голодовку. На третий день нашей голодовки пришел русский консул и сообщил, что дело куртинцев будет скоро разобрано и что предстоит серьезное наказание, так как дело нешуточное. Когда мы

стали расспрашивать о судьбе наших товарищей, он нам сказал, что весь лагерь ля-Куртин разбит, что многие на островах, а многие в Африке.

После приезда консула нам снова улучшили режим. Стали давать триста грамм хлеба, вместо полутораста, прибавили молока, мясного, разного приварку, стали давать сахар.

На третий день после приезда консула, нам предложили небольшую работу.

Мы согласились.

Во двор привезли солому, и мы стали вязать соломенные маты по два сантима от мата. Мы так быстро вязали маты, что нам скоро стали платить не по два сантима, а по одному сантиму. После приезда консула мы просидели еще около двух недель.

Двенадцатого ноября к нам в тюрьму прибыла комиссия по расследованию дела лагеря ля-Куртин. Комиссия не довела своего дела до конца, в конце концов мы так и не выяснили, за что нас держат в тюрьме.

Комиссия уехала. Через три дня после отъезда комиссии нас отправили на остров святой Елены. На острове мы встретились со своими товарищами — куртинцами. Остров был маленький, похожий на тюрьму.

По прибытии на остров нам выдали по одному одеялу. Мы разместились в маленьком форте, в котором уже сидели товарищи куртинцы.

Вскоре сто шестьдесят пять человек было отправлено под конвоем на работу. На работу нас повезли в катере, из катера снова высадили в арестантские вагоны. Нас везли долго. В вагонах мы сидели без пищи и воды. На каждой остановке мы думали, что нас высадят, но поезд нас мчал все дальше, все дальше, неизвестно куда.

Наконец, поезд остановился на маленькой станции. Отворились двери наших вагонов, и нам сказали, чтобы мы выходили. Мы вышли из вагонов и построились на платформе по четыре человека в ряд. Потом мы пошли в сторону от станции прямо по дороге. Приходим в конце концов к одному заброшенному дому. Остановились перед его дверьми.

Нам велели зайти в этот пустой дом. Нам сказали, что мы будем жить в этом доме. Скоро мы узнали, что мы будем работать в деревушке, которая находилась близ этого дома, в 1/2 километре. Деревушка называлась ля-Бержеман.

В деревне было несколько русских солдат, но не куртинцев, а из Третьей бригады. В Третьей бригаде тоже были такие, которые не хотели итти на фронт, и их в свою очередь разослали по работам, но вольно, без конвоя. На второй день нам уже не было интереса с ними говорить. Мы их считали изменниками, вдобавок, мы все время гуляли под конвоем, а они гуляли вольно. Мы знали, что они получают хорошую плату,

мы же ничего не получали. И питались они лучше нашего, во всяком случае.

Наш паек составляли триста грамм черного хлеба. На трехстах граммах проработали мы двадцать дней, платы не получили ни одного сантима. Работали мы в каменоломне, ломали камень для шоссейной дороги, а нам дорога повсюду была заперта. Все же нам было легче, чем тем товарищам, которые попали в Африку.

Хорошо ж мы „погостили“ во Франции, — нечего сказать. Хорошо нам пришлось узнать „равенство“, хорошо нам пришлось узнать „братство“, хорошо нам пришлось узнать „свободу“. И еще хорошо нам пришлось узнать разницу между нашей встречей в Марселе, и между дальнейшим нашим житьем.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

БЕГСТВО В ШВЕЙЦАРИЮ

В ночь на двадцать седьмое декабря решил я бежать из Франции в Швейцарию. Решил бежать один-одинешенек, не говоря никому.

До этого кое-кто из наших товарищей пытался бежать, но дело у них не вышло, их сажали в карцер. В карцере было холодно и голодно, в карцере сидели по шесть суток, получая холодную воду и сто грамм черного хлеба.

Я решил бежать один.

Деревня ля-Бержеман была недалеко от швейцарской границы, всего на всего в девяти километрах. До самой границы были леса и горы, но были и пространства чистые, поляны, через которые приходилось пробираться с большим трудом и с большой опасностью.

Первый мой побег не удался.

На другой день я расспросил о той дороге, на которой задержали моих товарищей, и решил по ней не бежать. Узнал я новую дорогу.

Вдруг на другой день, не зная, что я сам решился бежать, мне предложило бежать семь моих товарищей.

Ничего не поделаешь, пришлось бежать вместе.

От одной хорошей женщины был нам известен путь к границе. По ее совету, по ее плану мы пустились к границе.

Тяжело нам было бежать. Бежали мы по крутым горам, бежали по глухим лесам. Тяжело нам было бежать, но еще тяжелее было носить тяжесть на своих плечах внутри „свободной" Франции. И мы в конце концов эту тяжесть сбросили. Первого января перебежали мы швейцарскую границу и чувствовали себя уже спокойно. Перебежали мы ночью, хорошенько еще не усвоили себе, где находимся, и решили остановиться на краю леса, утром рассмотреть местность впереди и решить, куда итти.

Утром мы увидели проходившего мимо толстого жандарма. Жандарм в свою очередь заметил нас. Мы решили, что это французский жандарм, главное, что форма была на нем такая же, как во Франции. Мы кинулись бежать, пробежали сажен сто по лесу и стали прислушиваться. Однако, за нами никто не гнался. Мы услышали впереди нас стук топоров, поняли, что идет рубка леса. Решили узнать, кто рубит, послали вперед одного нашего товарища, который лучше других говорил по-французски, и

поручили ему спросить, кто рубит, французы или швейцарцы.

Товарищ вернулся. Он обрадовал нас: он сказал, что мы уже в Швейцарии в тринадцати километрах от границы. Мы тогда успокоились и пошли к тому месту, где был наш ночлег. Через несколько минут мы заметили подводы, нагруженные песком. Эти подводы окончательно удостоверили нам, что мы находимся в Швейцарии. Во Франции нет такой конной сбруи, как в Швейцарии, и упряжь совершенно другая. Французские повозки на двух больших колесах, а швейцарские на четырех, совсем как в России.

У нас появилась доверчивость и смелость. Мы подошли к повозкам, мужчины, которые ехали на этих повозках, с большим интересом смотрели на нас и расспрашивали, кто мы такие. Русских они никогда не видели.

Нас направили в самую ближайшую деревню. Ближайшая деревня была в пяти километрах от нашего ночлега. Ночью мы чувствовали, что находимся рядом с деревней, в деревне громко пели петухи, но зайти в деревню мы побоялись.

Первый человек, которого мы встретили в деревне, был старик, живший в некотором отдалении от нее. Старик удивленно смотрел на нас. Он так удивленно смотрел на нас, как вообще вероятно ни на кого в жизни не смотрел. Через некоторое время выбегает молодая девушка, по всей вероятности его дочь. Дочь останавливается рядом

с отцом, тоже смотрит на нас с большим любопытством и начинает расспрашивать отца по-французски, кто мы такие.

Французский разговор был нам понятен. Мы все наперебой стали говорить, что мы русские солдаты, бежавшие из Франции. Старик еще больше заинтересовался нами и велел своей дочери принести вина. Дочь немедленно принесла несколько бутылок виноградного вина и семь больших бокалов. После угощения нас направили к деревенскому жандарму.

Жандарм повел нас к врачу на осмотр, а затем в столовую. В столовой нас накормили хорошим обедом, напоили вином. Во время нашего обеда в столовой было очень много вольной публики, которая стремилась нас угостить, как невиданных гостей. Мы вышли из столовой сильно навеселе, но все-таки сознания не потеряли.

Жандарм провел нас на железнодорожную станцию, где всех нас посадили в хороший пустой вагон. Вагон был мягкий. Мы никогда не думали, что нам дадут такие удобства. Во Франции, где мы воевали, нас возили с места на место только в теплушках.

В вагоне некоторые наши товарищи сразу же заснули.

Часов в пять вечера мы приехали в город Лозанну. Жандарм нас повел в управление полиции, оттуда нас всех направили в баню, кроме

одного, у которого врач заметил на руке чесотку. Этого товарища отправили в другую кабину.

Потом нам выдали чистое белье, а грязное отобрали. Вечером после бани нас повели вверх, через весь город. Время было позднее, и мы не знали, куда нас ведут. Мы спросили об этом. Нам ответили, что нас ведут на сборный пункт, где уже много русских.

Почти все на сборном пункте спали. На сборном пункте были еще свободные комнаты, в которых нас разместили. Казалось, что нас ждут здесь заранее. Комнаты были чистые, свежие. Каждому полагалась отдельная койка, у отдельной койки столик и каждому отдельное полотенце и мыло.

На утро мы стали знакомиться с теми товарищами, которые жили на сборном пункте. Пришлось встретиться и с теми, с которыми мы во Франции боролись и спорили. Но они тоже бежали, бежали не от добра, и нам приходилось с ними временно примириться.

Помещение сборного пункта находилось на возвышенном месте. Нам можно было ходить только вокруг помещения. В город Лозанну нам ходить не разрешили.

Мы стали просить, чтобы нас как можно скорее отправили в Россию.

Но это было невозможно, потому что граница была еще закрыта.

Приходилось ждать. Мы не хотели есть наш хлеб даром и просили дать нам какую-нибудь работу.

Через двенадцать суток нам предложили работу. Мы работу взяли, только поставили условие, чтобы нас в первую же очередь отправили в Россию. Тринадцатого января в двенадцать часов дня мы прибыли в горную альпийскую деревушку. В этой деревне нам пришлось работать.

Однако, далеко не так спокойно протекала наша работа в Швейцарии и далеко не так спокойно протекала наша жизнь. Был у нас на работе конфликт, в результате которого приехал в деревушку швейцарский офицер с конвоем и нас всех арестовал.

Все наши мысли стремились к тому, чтобы скорее уехать в Россию каким угодно способом.

Нам предлагали остаться в Швейцарии, но мы не хотели оставаться там, не хотели работать на швейцарских капиталистов.

Двадцать девятого июня нас перевели через мост. Этот мост был перекинут с швейцарского берега на германский. Сели мы в германский поезд, проехали через всю Германию, а третьего июля пересели наконец в русский поезд и стали свободными, вольными советскими гражданами.

Жаль только, что очень немногие дожили до этой счастливой минуты. Многие остались в сырых могилах лагеря ля-Куртин, сырых могилах Франции и других стран...

На этом месте обрываются записки Артема, или, как он себя сам называет, по французской манере, Артура Вавилова. Интересно проследить в ходе записок бывшего русского солдата, как меняется весь его облик, как растет сознание, как мужает, крепнет, становится строже язык.

Немногие Вавиловы вернулись в Советскую страну. Но дело Вавиловых победило. Жертвы Македонии, жертвы ля-Куртин не оказались жертвами напрасными.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Академия гнева. (Предварительное замечание.) . . . 3

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Личные воспоминания о прошлом моей жизни . . . 11

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Прибытие русской бригады во Францию 24

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Русские солдаты на французском фронте 28

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Ля-Куртин 36

ГЛАВА ПЯТАЯ.

После приказа № 34 46

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Бегство в Швейцарию 57

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

АНДРЭ МАРТИ

В ТЮРЬМАХ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Перевод с французск. под редакцией А. Н. Горлина

С предисловием Анри Барбюса

Стр. 124. Ц. 60 к.

В эту книгу вошли заметки, воспоминания и впечатления Андрэ Марти за четыре года его сидения по тюрьмам французской республики, куда он был брошен за отказ действовать против русского пролетариата. „Эту книгу, — говорит Барбюс, — следует читать и перечитывать: она потрясающа по своей искренности. На ее страницах сосредоточен безграничный ужас". Судьба французских моряков, отказавшихся в 1919 году, в бытность их в Черном море, расстреливать русских пролетариев, невероятные страдания военных „преступников", преступление которых заключалось лишь в том, что они подчинились голосу совести, а не дисциплине казармы, — все это изображено т. Марти с поразительной яркостью. Книгу следует прочесть всем, кто хочет знать, как „культурная" французская буржуазия умеет расправляться со своими классовыми врагами.

Продажа во всех магазинах и отделениях Госиздата

26555

25 коп.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ОТРАЖЕНИЕ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Барбюс, А. — В огне. Дневник одного взвода. Роман. С предисловием М. Горького. Стр. 299. Ц. 20 к.
Витфогель, К. — Красные солдаты. Беглец. Пьесы. Стр. 90. Ц. 20 к.
Гейдемарк, обер-лейтенант. — Биплан „С 666". Из записок летчика на западном фронте. Стр. 64. Ц. 45 к.
Громов, М. — За крестами. Повесть. (Б-ка молодежи). Стр. 144. Ц. 70 к.
Гумилевский, Л. — Исторические дни. Стр. 160. Ц. 40 к.
Доржелес, Р. — Пробуждение мертвых. Стр. 304. Ц. 1 р.
Дюамель, Ж. — Цивилизация 1914—1917. Рассказы. Стр. 201. Ц. 1 р.
Епифанский, А. — Рассказы о войне. Стр. 32. Ц. 8 к.
Кайзер, Г. — Драмы. Вступит. статья А. В. Луначарского. Стр. 298. Ц. 1 р. 75 к.
Кордэ, М. — За кулисами войны. (Дневник дикарки.) Стр. 201. Ц. 1 р.; — Красный уголь. (Дневник дикарки.) Под редакцией А. Н. Горлина Стр. 190. Ц. 95 к.
Лацко, А. — До последнего человека. Под ред. А. Н. Горлина, со вступительн. статьей С. Цвейга. Стр. 93. Ц. 20 к.; — Люди на войне. Правдивые рассказы об империалистической войне. Стр. 144. Ц. 75 к.
Лефевр, Р., и Вайян-Кутюрье, П. — Солдатская война. Предисловие А. Барбюса. Стр. 145. Ц. 40 к.
Мартинэ, М. — Ночь. Драма в 5 актах. Предисловие Л. Троцкого. Рисунки Г. Пастрэ. Стр. 119. Ц. 90 к.
Островер, Р. — В серой шинели. Записки полкового врача. Стр. 160. Ц. 80 к.
Роллан, Р. — В стороне от схватки. Перевод А. Даманской. Стр. 159. Ц. 15 к.; — Клерамбо. Под редакцией В. Азова. Стр. 335. Ц. 75 к.; — Лилюли. С рисунк. Ф. Мазреля. Стр. 214. Ц. 95 к.; — Пьер и Люс. Стр. 101. Ц. 25 к.
Синклер, Э. — Собрание сочинений. Том I. Джимми Хиггинс. Роман. Стр. 319. Ц. 1 р. 20 к.
Ульянский, А. — В плену (1915 — 1918). 1. Завод Ликана. 2. Происшествие с бочкой. 3. Пленный Снель. 4. Венгрия, Октябрь 1918. Стр. 167. Ц. 70 к.

Продажа во всех магазинах и отделениях Госиздата